

Оглавление

Глава первая. Спутанные нити	5
Глава вторая. Нежданная весточка	16
Глава третья. Светлые Осенины	27
Глава четвертая. Никто не идеален	39
Глава пятая. Гуси-лебеди	50
Глава шестая. Привет из Дивьего царства	61
Глава седьмая. Еще немного колдовства	72
Глава восьмая. А времени все меньше... ..	84
Глава девятая. Змеев день	98
Глава десятая. В подземельях Дивнозёрья	109
Глава одиннадцатая. Кикиморин след	121
Глава двенадцатая. Черная полоса невезения	133
Глава тринадцатая. Странные дела творятся... ..	145
Глава четырнадцатая. Колдун с десятого этажа	156
Глава пятнадцатая. По Дороге Снов	167
Глава шестнадцатая. Таинственные письма	179
Глава семнадцатая. Связанные судьбы	190
Глава восемнадцатая. Добрая в гневе, лютая в милости... ..	201
Глава девятнадцатая. Смерть во сне	214
Глава двадцатая. Операция «Вредный сосед»	225
Глава двадцать первая. Мара из кошмара	236
Глава двадцать вторая. Волшебство — это я	249
Глава двадцать третья. Марина ночь	261
Глава двадцать четвертая. Любимый упырь княжны	273
Глава двадцать пятая. Безвременник на самый крайний случай	284
Глава двадцать шестая. Мара Моревна	294
Глава двадцать седьмая. В безволшебном ноябре	305
Глава двадцать восьмая. Всё, кроме смерти	316
Глава двадцать девятая. Добрые вести в худое время	328
Глава тридцатая. Птица, которая смеется	340

Глава первая

Спутанные нити

— Пушок! Где ты? А ну вылезай, паскудник! Кто мне опять все нитки спутал?

Тайкиному возмущению не было предела.

Стоило отвернуться, а этот негодяй мохнатый снова решил поиграть с клубками! А ведь он даже не кот, а коловерша. То есть кот всего лишь на одну половину, а на другую — сова. Но на нитки все равно покушается. Вот наглая рыжая морда! Ведь знает же: Тайке и без того непросто. Вязать она толком не умеет и делает это очень медленно. Вот бабушка — та к каждой зиме готовила какие-нибудь обновки: то свитер, то шапку, а уж сколько носков и варежек раздарила — вообще не сосчитать. Но теперь бабушка покинула мир людей и стала царицей в Дивьем царстве, а Тайка заняла ее место ведьмы-хранительницы Дивнозёрья... и это в шестнадцать-то лет! Многому же ей пришлось научиться! И, признаться, колдовство ей давалось куда лучше вязания. Но на днях домово́й Никифор пожаловался, что его любимый шарф проела моль — даже мешочки с геранью не помогли — в общем, пришлось Тайке браться за спицы. Ох и намучилась она поначалу, а Пушок с его играми ну вообще не помогал!

Заслышав ее крик, заспанный коловерша выбрался из-за печки и захлопал сонными янтарными глазами.

— Тая, ты чего орешь как потерпевшая?

— Погоди, ты спал, что ли? — Тайка с подозрением глянула на Пушка, потом на нитки. — А кто же тогда с клубками играл? Не Никифор же!

— Вот так всегда, — проворчал коловерша, потягиваясь и расправляя крылья. — Чуть что, сразу Пушок, такой-сякой-разэтакий! А стоило всего-то разок клубок лапкой подтолкнуть, детство вспомнить... Эх ты!

Тайка виновато развела руками:

— Ну, прости...

Коловерша, бывало, привирал, но она уже научилась определять, когда этот хитрец юлит, а когда говорит правду. Сейчас он не лгал. Но кто же тогда спутал нитки?

Последний вопрос она задала вслух, и Пушок сразу же заметался:

— Так. Это дело для лучшего дивнозёрского детектива. Для меня, то есть. Мы должны устроить засаду. Затаиться и подстеречь негодяя! А потом я уж ему разъясню, что нельзя бросать тень на репутацию честных коловершей.

— Ну, с честностью — это ты загнул, — усмехнулась Тайка. — А кто на днях сметану подъял прямо из холодильника, да еще и стенки банки вымазал так, чтобы было не сразу заметно?

— Может, Никифор? — Пушок закатил глаза к потолку, изображая самую невинность.

— Ну, коне-е-ечно...

Нет, Тайка не злилась. Она давно привыкла, поэтому, покупая продукты, всегда учитывала аппетиты этого проглата. Ведь, как говорится, мы в ответе за тех, кого приручили.

— Может, сметану тот же бесёнок спер, который тебе нитки пугает? — Коловерша врал не краснея. Хотя

кто знает, может, он и краснеет, просто под шерстью и перьями не видно?

— А с чего ты взял, что это именно бес?

Пушок глянул на нее свысока и авторитетно заявил:

— Ну а кто же ещё?

Тайка усмехнулась:

— Думаю, мы скоро это узнаем...

Ох, давненько ей не приходилось устраивать засаду прямо в собственном доме! Вся местная нечисть знала ведьму; со многими Тайка даже дружила. А те, с кем не дружила, предпочитали с ней не связываться: она ведь могла и заклятием по лбу приложить, и Мечом-Кладенцом в довесок отоварить. Так что и бесы, и садовые кикиморы, и прочие духи лесные да водные знали: нашей ведьме палец в рот не клади — откусит! Не в прямом смысле, конечно. И все-таки кто-то осмелился поозорничать прямо у нее под носом...

Тайка скатала потрепанный коврик и начертила мелом на полу круг, по его четырем сторонам разложила колдовские травки и нарисовала нужные символы. Пушок с интересом наблюдал за ее действиями.

— И что, эта штука нас спрячет?

— Надеюсь. Любой нечисти покажется, что комната пустая. Мы увидим гостя, а он нас — нет.

Она устроилась прямо на дощатом полу, подтянув колени к подбородку. Чтобы скрасить ожидание, захватила вазочку с сушками и чашку какао, а еще принесла хлеб, масло и солонку. Пушок хотел было включить телевизор, но Тайка не позволила — тот, кто запутал нитки, мог услышать незнакомые голоса и затаиться надолго.

Ожидание затянулось, какао остыло, потом и вовсе закончилось, а все сушки слопал прожорливый коловер-

ша, оставив Тайке одни крошки, и масло под шумок слизал. Спасибо хоть хлеб с солью оставил.

Она сама не заметила, как задремала, и очнулась, только когда Пушок яростно защекотал усами ее ухо:

— Смотри, смотри, смотри! Вот он, этот коварный тип бесячьей наружности!

Тайка потеряла глаза руками, проморгалась и ахнула: среди ее клубков копошилось пушистое... нечто. Существо было не крупное — размером с крысу, — черно-серое, пушистое, с курносою почти детской мордочкой, усами и козлиной бородкой. Пальцы на лапках заканчивались острыми коготками, а подвижный хвост венчала игривая белоснежная кисточка. На лысой как коленка голове виднелись маленькие — с полпальца — рожки.

— Вроде не бесенок... — выдохнула Тайка. — Те ростом побольше будут. И у них еще нос пятачком.

— Довольно близкий родич. — Пушок презрительно фыркнул. — Это анчутка — мелкий зловредный дух. Раньше они тут сотнями водились: и в полях, и в лесу, и в огороде. У-у-у, пакостники мелкие! Сколько лет подряд мою вишню объедали! Семеновна их повывела, а без нее, вишь, опять объявились. Почуяли безнаказанность.

— А ты случайно не знаешь, как бабушка их прогоняла?

— Кротовыми отпугивателями и ловушками. — Коловерша распушился и задрал нос. — Вообще они еще соль не любят, но кто ж в здравом уме будет землю в собственном огороде засаливать?

Тайка торжествующе потрясла в воздухе пластмассовой солонкой — как удачно, что именно сегодня ей захотелось бутербродов с соленым маслом на завтрак! У Пушка загорелись глаза:

— Давай, Тая! Насыпь этому наглецу соли на хвост!

— Именно на хвост?

— Да сыпь уже хоть куда-нибудь! Он же тебе все нитки щас изгадит!

Тайка открутила с солонки крышечку, шагнула из круга и обрушила на голову незваному гостю соляной водопад:

— Н-на! Вот тебе!

Анчутка завизжал, вытаращив желтые глаза-плошки, схватил лапками самый большой клубок и вприпрыжку понесся на кухню, где с разбегу плюхнулся прямо в ведро с водой. Пушок от негодования ахнул:

— Эй, это моя водичка! Для супа, а не для бесов! Лови его, Тая! А не то уйдет!

Тайка запустила руки по локоть в ведро, но анчутка, резво подскочив, вывернулся из ее пальцев, гортанно хохотнул — и пустился наутек вместе с клубком, оставляя мокрые потеки по всей кухне.

— За ним! — скомандовал Пушок, расправляя крылья.

— Зачем? Пускай уходит и больше не возвращается.

— Нет уж, давай поглядим, откуда он пришел. Может, их там целое гнездо и всех надо засолить!

Коловерша сорвался с места в полет, и Тайка, подхватив со стола початую пачку соли, рванула следом, даже не переобувшись, а прямо как была — в домашних шлепках.

Очень скоро ей пришлось пожалеть об этом: вертлявый анчутка бегал быстро, да еще и припустил не абы куда, а прямо к лесу. Если бы не Пушок, Тайка давно отстала бы. Впрочем, следы незваного гостя на дороге были четкими, похожими на детские, только без отпечатков пяток — как будто анчутка все это время бежал на цыпочках.

В лесу было сухо — благо обещанный синоптиками дождь еще не собрался, хотя по небу ходили мрачные серые тучи, а утренняя роса давно успела испариться. Желтизны на деревьях уже было намного больше, чем зелени, под ногами шуршали опавшие листья. М-да, бесшумно подкрасться к гнезду вряд ли получится. В воздухе пахло самой настоящей осенью, что было совсем не удивительно — в середине-то сентября.

Тайка любила это время года — даже несмотря на то, что осенью начинались занятия в школе и нужно было учить ненавистную алгебру. Ей и сейчас больше всего хотелось остановиться, прислониться спиной к березе и — нет, даже не дышать, а пить этот прозрачный, немного горьковатый сентябрьский воздух. Над ее головой перекликались птицы — будто считали товарок перед тем, как улетать в теплые края. Этот день больше подходил для неспешных прогулок и душевных бесед, чем для беготни.

Стоило признать, что погоня не задалась: левая тапочка все время соскальзывала с ноги и больно натирала мизинец, поэтому Тайка скинула шлепки и пошла босиком по мягкой опавшей листве. Охотничий клетот Пушка стих где-то вдали, но она была почти уверена, что он вернется ни с чем. У коловерши, конечно, зоркий глаз и острый нюх, но мышей ловить — это одно, а анчутку — совсем другое. Маленький дух нырнет в листья, зароется в землю — и поминай как звали. У них небось в лесу целая сеть подземных ходов. Так она себя успокаивала, но на самом деле ей просто не хотелось гоняться за всякой мелочью, да вдобавок пачка соли неудобно оттягивала карман.

Остановившись, Тайка наклонилась, чтобы подобрать несколько особенно красивых кленовых листьев, а когда выпрямилась, увидела неподалеку седую старушку в голубом болоньевом пальто и сером платке в цветочек.

Та стояла на лесной дороге, сжимая в руках корзинку с боровиками, и неуверенно озиралась по сторонам, а завидев Тайку, сразу бросилась к ней.

— Ой, деточка, что ж это делается?! Водит лес проклятуший. Заблудилась я. Подскажи, как тут к деревне выйти?

— А вам к которой надо, бабуль? К Дивнозёрью или к Ольховке?

Бабка на мгновение задумалась, а потом скривила губы так, будто сейчас заплачет:

— Нет, дочк, мне в Михайловку.

— Ой, далековато. — Тайка огляделась по сторонам: Пушка нигде не было, и она решительно тряхнула головой. — Ладно, бабуль, выведу я вас к роднику, а там дальше от мостика вы уже сами дорогу найдёте, не заблудитесь. Только это часа три идти, не меньше.

— Ты, главное, выведи, хорошая моя, — беззубо улыбнулась бабка. — А я тебе грибочков отсыплю, хошь?

— Не надо, вам и самой мало, — отмахнулась Тайка. Бабкин улов и впрямь выглядел небогато.

Они зашагали рядышком по тропинке. Старушка оказалась на удивление проворной, и Тайка едва за ней поспевала — особенно без обуви-то.

— А ты чего одна по лесу гуляешь, дочк? Да ещё и босиком. Смотри, простудишься.

— Я закаленная, — улыбнулась Тайка. — Просто ноги натерла. Не думала, что надолго из дома уйду.

— И все равно пошла меня провожать?! Ну-ну, не зря, стало быть, люди говорят, что ведьма в Дивнозёрье добрая да отзывчивая.

— А вы что, меня знаете? — Тайка остановилась. Сердце ёкнуло — а ну как непростая это бабка?

— Да кто ж тебя не знает, Таюшка! — усмехнулась та. — Вся нечисть местная только о тебе и гутарит: одни

с восхищением, а иные и со страхом. Вот я и пришла на тебя взглянуть, хоть ты и насыпала соли на хвост моему посланничку.

— Так это ваш анчутка был? — Тайка на всякий случай опустила руку в карман и зачерпнула пригоршню соли. Мало ли! Лесные бабки бывают разные и не все из них добрые.

— Ты, дочк, не серчай — они мелкие, шепутные, но ведьмам зла не делают. Иного человека могут и заморочить, а тебя — нет.

— А вы вообще кто? Тоже ведьма? — Тайка решила, что с места не сдвинется, пока не получит ответа на свой вопрос. — И для чего подослали ко мне этих мелких пакостников?

Про ведьму — это она так, не подумав, ляпнула: наверняка эта бабка вообще не человек и анчутки не просто так ей подчиняются.

Старуха, словно подслушав ее мысли, рассмеялась:

— Дык пряжа мне надобна. А ты все не шлешь и не шлешь дары. Пришлось самой справляться.

— Какие еще дары?

Признаться, Тайка ничегошеньки не понимала.

Тем временем бабка хлопнула в ладоши — раз! — и они оказались у того самого родника, до которого было еще идти и идти. Вода весело журчала, огибая корни могучего дуба, росшего прямо в центре заповедной полянки. На Тайкины волосы упал желтый листок, она смахнула его и в тот же миг увидела, что под дубом стоит крепко сбитая ткацкая рамка. Та появилась будто бы из ниоткуда.

— Вона, видишь? — Старуха указала рукой. — Покрывало тку. А старшая-то Таисья, бабка твоя, мне каждый год помогала.

Тайка глянула на нее и обомлела: куда подевались болоньевый плащ и сиротский платочек?! Перед ней стояла величественная седовласая женщина в осенне-рыжем платье, расшитом желтыми войлочными листьями и алыми ягодами рябины. На ее увенчанной толстыми косами голове красовался рябиновый же венок.

— Но ба ничего мне не рассказывала... — От волнения у Тайки пересохли губы. — Зачем это все?

— Нужно укутать землю, чтобы не вымерзла. Сперва осенним лиственным покрывалом, а затем и зимним — снежным. Когда в начале года день пошел на прибыль, я вычесывала частым гребнем лесных зверей, весной пряла пряжу, летом — красила нити горькими травами, а теперь вот настала пора ткать.

— Вы что... Матушка Осень? — вдруг осенило Тайку.

— Не совсем. Но можно сказать и так. — Ее собеседница кокетливо поправила рябиновую гроздь за ухом. — Завтра пришло к тебе своих слуг, новая ведьма, — ты уж будь добра, подсоби мне с пряжей, а то не хватит ниток — что тогда? Померзнут садовые деревья, не взойдут озимые...

— Л-ладно... — Тайка заворуженно глядела на удивительной красоты узор на осеннем покрывале. Тот играл в лучах солнца, переливаясь всеми оттенками золота.

— А еще впусти меня в свой сон сегодня. — Лесная ведунья прищурила глаза цвета липового меда. — Анчутки-озорники спутали и мои нити тоже. А я стара стала, зрение уж не то, что прежде. Поможешь мне их распутать?

Тайка кивнула.

— Только смотри, ни одной ниточки не обрежь. — Матушка Осень погрозила ей пальцем. — Ведь все это нити чьей-то судьбы. Оборвется — и умрет человек.